

Театральная легенда

О Таирове до сих пор не принято говорить с юбилейной благоустою. При жизни его или любили взалхлеб, или ожесточенно не принимали ни его театра, ни его эстетики. Как ни странно, после смерти Александра Яковлевича ожесточения нисколько не убавилось, любви, впрочем, тоже. Просто на какое-то время власти о нем предпочли забыть. Не было такого Камерного театра, не было шумных премьер, собиравших «всю Москву», не было международной славы, поклонения и восторгов западных знаменитостей — ничего этого не было. Закрыли, забыли, повесили другую вывеску на старом здании, прикрывшись великим именем Пушкина. Попробуй придерись! Кто такой какой-то Таиров перед нашим Пушкиным?!

«Камерный театр исчез, как Антлантида», — не без грусти констатирует писатель и режиссер Михаил Левитин. И будет прав. Ощущение чего-то огромного, значительного, будоражащего умы и сердца и исчезнувшего безвозвратно, как будто растворившись в космосе в результате какой-то страшной катастрофы, — вот то первое чувство, которое вызывает Камерный театр сегодня. Но не только.

Камерный театр — это по-своему целостная, законченная эстетическая система, вобравшая в себя немало смелых идей и новаций нынешнего века. Это попытка договориться со своим временем на языке классицистской трагедии и мюзикхолльных скетчей. Это смешение всех жанров, всех видов искусств. Это синтез пластики, слова, звука, света, цвета. Это чистая энергия страсти, которую каждый раз Таиров старался высвободить из плена обветшалых театральных традиций. Это наконец Алиса Коонен, без которой нельзя представить себе ни историю таировской сцены, ни историю советского театра.

Об их уникальном творческом союзе написано так много, что вряд ли стоит повторяться. Отметим лишь то, что вопреки всем домыслам и наветам Камерный театр никогда не был театром одной актрисы. И Коонен при всем своем влиянии и исключительном статусе жены и музы в одном лице находилась в абсолютной зависимости от режиссерской воли и идей Таирова. Их союз — это всегда были отношения равных, идеальная модель сотворчества, испытанная многим, но даже в самые горестные и безрадостные периоды пораженная своей стойкостью в противостоянии ударам и несправедливостям судьбы. Они были вместе, когда, гуляя по ночной Москве, легкомысленно выбирали среди особняков Тверского бульвара дом для их будущего театра; они были вместе, когда в трагическую годину первой мировой войны и грядущих революций пытались укрыться в замкнутом, волшебном-прекрасном мире театральных мифов Калидассы, Уайльда, Иннокентия Анненского. Они были вместе, когда их из театра изгнали: первый раз за прозаические долги, а во второй (спустя тридцать лет) — за идеологические ошибки.

И все-таки, окидывая беглым взглядом их жизненный путь, понимаешь, что это была счастливая судьба людей, нашедших себя, друг друга и свое время.

Всег. Москва. - 1995. - 6 июля. - с. 4

Можно строить разные догадки и предположения, как бы сложилась судьба Таирова и Коонен, останься они на Западе (такая возможность у них была, а предложений было предостаточно), можно по моде перестроенных лет клясть Советскую власть и репертком, запрещавший или безнадежно уродовавший их спектакли, можно припомнить все обиды и унижения, которым подвергся создатель Камерного театра, но как бы там ни было, и Таиров и Коонен никогда не переставали ощущать себя советскими художниками, народными артистами, избранниками и творцами этой страны и отчасти этой системы.

Ведь «Оптимистическая трагедия», поставленная Таировым в 1933 году, — это не просто главный официальный спектакль Камерного театра, это, если угодно, манифест веры.

Великий эстет, космополит, просвещенный европеец, покоритель театрального Парижа и Буэнос-Айреса, Таиров присягал на верность социалистическому реализму. И только не надо говорить, что делал он это из политических соображений, в душе ненавидя и презирая тех, кто принуждал его ставить Вишневого и зазывать на премьеры Ворошилова и Калинина. Неправда! При всех своих политических амбициях и вельможных манерах Таиров был художником редкой искренности. Он рвался служить, он хотел быть полезным новому обществу, он верил в высокую миссию театра, который, как ему казалось, только при новой власти сумел обрести подлинно государственную значимость.

Конечно, при этом он не мог не тяготиться собственной репутацией «западника» и названием театра «Камерный», как будто бросавшим вызов всем установкам на эпохальность и народность. Придумывал варианты его смены. Но от имени не откажешься, и от судьбы не уйдешь.

В сущности все, что произошло с ним и с Камерным театром в 30–40-е годы, — это крушение великой иллюзии, что талант нужен системе, что честность и преданность не могут остаться без ответа и должны быть вознаграждены. Система рассудила иначе, посчитав, что персональная пенсия союзного значения и благодарности в приказе — вполне адекватная награда за все заслуги Таирова и Коонен. Театр у них отобрали как у несправившихся, оставив без всякой надежды на будущее, которое вне сцены становилось совершенно бессмысленным.

Этот второй вынужденный уход из театра Таиров уже не пережил. Приступы сумасшествия и недолгая болезнь свели его в могилу через год после закрытия Камерного театра. Алиса Коонен приняла все эти удары, как и полагалось трагической героине, стойко и мужественно. Не сломалась, выдержала все, даже многолетнее соседство с чужим и враждебным ей театром (ведь она продолжала жить в той же квартире, что и раньше, которая теперь фактически находилась в помещении Театра имени А.С.Пушкина). Под конец жизни по инициативе журнала «Театр» написала превосходную книгу воспоминаний, которая и теперь читается как увлекательный роман.

А что же в итоге? Юбилейные даты, музейные раритеты, архивные тайны, благодарная память немногих оставшихся в живых зрителей Камерного театра, но главное — легенда о великом режиссере и прекрасной актрисе, которая продолжает тревожить душу, заставляя нас снова и снова возвращаться к этим страницам нашей театральной истории, рассматривать их лица, и вслушиваться в их голоса.

Сергей НИКОЛАЕВИЧ
НА СНИМКЕ: Алиса КООНЕН и Александр ТАИРОВ по дороге на гастроли в Латинскую Америку.